

Татьяна Рябинина

ТЕМНЫЙ МАГ И ОТВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Москва
RUGRAM
2021

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Р98

Рябинина Т.

Р98 Темный маг и отворотное зелье / Т. Рябинина — М. :
RUGRAM_Publishing, 2021. — 288 с. — (Любовное фэнтези).

ISBN 978-5-521-92007-5

Попасть в другой мир — что может быть хуже? Многое. Например, то, что темный маг, по милости которого это произошло, влюблен в меня, а его брат случайно дал мне вместо воды отворотного зелья. И теперь у нас есть всего четыре недели, чтобы все исправить. В противном случае Элиана и Мариса с позором выгонят из Академии лунной магии, а я навсегда останусь холодной, как ледышка, неспособной полюбить ни одного мужчину...

BIC FR
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-92007-5

© Татьяна Рябинина, текст, 2021
© Оформление. LITNETCYlimited,
2021

Пролог

Зеркальный коридор завораживал — как в детстве, когда я могла сидеть перед бабушкиным трельяжем часами. Отражения множились, сливались, манили к себе. Я невольно наклонилась к тускло мерцающей глади, всматриваясь в бесконечность.

«Лана, отойди от зеркала! Сколько можно говорить?!» — откуда-то из прошлого едва слышно донесся бабушкин голос.

Я чувствовала взгляд, который искал меня. Властный, притягивающий. Похожий на тот, из вчерашнего сна. Здравый смысл, как и бабушка, убеждал отойти подальше, а еще лучше выйти из комнаты, закрыть дверь и больше никогда туда не возвращаться. Но воля слабела с каждой секундой, я наклонялась все ниже, пока лицо не оказалось так близко к отражению, что оно расплылось перед глазами.

Пальцы коснулись прохладной поверхности и... скользнули сквозь нее, словно окунулись в воду. Вскрикнув от испуга и неожиданности, я попыталась вытащить руку, но не смогла. Серебристая глубина засасывала, как болотная трясина.

Упираясь и цепляясь за подзеркальник, я сопротивлялась изо всех сил, но тщетно. Рука погрузилась до самого плеча, а за ней по ту сторону оказалось и лицо. По глазам ударило ослепительное сияние, заставившее зажмуриться. Еще мгновение — и я почувствовала, что лечу куда-то с бешеной скоростью, и ветер шумит в ушах. Осторожно приоткрыла глаза и увидела тот самый хорошо знакомый зеркальный коридор — только теперь изнутри. Кто-то ждал меня там, где его стены сливались в сверкающую точку. Она приближалась, становилась еще ярче, пока не вспыхнула, поглотив все вокруг...

Кажется, я потеряла сознание, а когда очнулась, обнаружила себя в большой полутемной комнате, освещенной

десятком свечей и пылающим в камине огнем. Сводчатый ребристый потолок наводил на мысли о средневековом замке. Стол в центре был завален книгами и бумажными свитками, там же стояли стеклянные и глиняные сосуды всевозможных форм и размеров, лежали предметы, о назначении которых оставалось лишь догадываться.

Сама я каким-то образом оказалась на узкой жесткой кровати, которая пахла... в общем, спал на ней, определенно, мужчина, и постельное белье меняли явно не сегодня. Вторая такая же стояла рядом, отделенная чем-то вроде тумбочки.

Резкие раздраженные голоса привлекли мое внимание. Повернувшись, я увидела в нише у окна двоих мужчин, которые разговаривали на повышенных тонах на незнакомом мне языке. Насколько я могла видеть, выглядели они года на двадцать два — двадцать три или около того. Вообще-то ровесников я как мужчин не воспринимала, но этих назвать юношами или тем более парнями как-то не получалось.

Вид у них был явно не современный. В моем понимании, конечно. Заправленные в высокие сапоги штаны горчичного цвета плотно облегали всю анатомию. У свободных белых рубашек с широкими рукавами не было пуговиц — как на исторических портретах. У одного длинные светлые волосы падали на плечи живописными крупными кудрями. Другой, тоже блондин, был подстрижен сравнительно коротко. Как мне показалось по интонациям, длинноволосый, размашисто жестикулируя, выказывал свое крайнее возмущение. Его собеседник стоял, засунув руки в карманы, с досадой смотрел в пол и то ли пытался оправдаться, то ли огрызался в ответ на упреки.

В простенке висело большое овальное зеркало в черненой раме. Не через него ли я попала сюда? Оно тускло отливало розовым светом, хотя, возможно, это было всего лишь отражение огня в камине.

Я шевельнулась, кровать скрипнула, мужчины замолчали и посмотрели на меня. Переглянулись и подошли ближе. Теперь я могла разглядеть, что они очень похожи. Надо думать, братья. Близнецы или, может, погодки.

Длинноволосый сказал что-то, обращаясь ко мне, но я, разумеется, не поняла ни слова. Даже приблизительно не догадалась, поскольку не представляла, чего он от меня хочет.

Братья снова заговорили между собой, бросая в мою сторону косые взгляды. Это здорово раздражало, как обычно, когда при тебе говорят на языке, которого не понимаешь.

Ситуация складывалась абсурдная. Если придавить в зародыше панику-истеричку и попытаться поверить в невозможное, как Алиса, тоже попавшая в Зазеркалье, выходило, что меня занесло в другой мир. А если припомнить вчерашний сон, можно предположить, что братцы-красавцы как-то к этому причастны.

Магия? Если уж строить гипотезы, то эта ничем не хуже других.

В комнате было жарко, и у меня пересохло в горле.

— Эй, — позвала я, не зная, как еще обратиться. — Я пить хочу.

Разумеется, сложно было рассчитывать, что они поймут, поэтому пришлось устроить пантомиму. Закатив глаза, я высунула язык, подышала по-собачьи и изобразила, что пью из стакана.

Братья снова переглянулись, синхронно сдвинув брови, затем длинноволосый взял со стола глиняный кувшин и налил воды в бокал. Я еще успела подумать, что она какая-то странная. Вроде прозрачная, ничем не пахнет, но едва заметно мерцает. Поднесла бокал ко рту, но в этот момент второй сдавленно ахнул, будто вспомнив о чем-то, и бросился ко мне. Кажется, хотел вырвать бокал у меня из рук, но я уже успела сделать большой глоток.

Вода как вода, вот только...

Что-то происходило со мной. Словно плеснули из кружки на сильном морозе, и вылитое сразу подернулось иголочками льда. Я чувствовала, как все внутри замерзает, зарастает кристаллами инея. Они разбегались по телу, поднимаясь от пальцев рук и ног все выше и выше, пока не коснулись сердца. Обжигающе холодный укол — и я снова потеряла сознание...

1

Несколькими днями раньше

— Света, боюсь, с бабушкиным домом придется разбираться тебе.

— С какой стати, мам? — возмутилась я. — Это твое наследство. Поезжай туда и делай с ним что хочешь. Продавай, сдавай, живи в нем. Хоть подожги. Почему опять я?

С мамой отношения у нас были сложными всегда, сколько я себя помнила. Начать с того, что она единственная называла меня Светой, зная, как мне это не нравится. Для всех остальных я была Ланой.

Мне исполнилось пять, когда я подслушала ее разговор с приятельницей. Дети всегда подслушивают и подглядывают, познавая мир, и иногда делают не самые приятные открытия. Например, то, что мамы не особо их ждали.

— Ты же знаешь, я никогда не любила детей, — говорила она тете Кате. — Светка получилась случайно. Собралась уже на аборт, но Сашка сказал, что оторвет мне голову и запихнет в задницу. Надеюсь, что включится материнский инстинкт, но увы...

Тогда я еще не знала, что такое инстинкт, но слово, звучащее как металлоконструкция, запомнила. И только потом поняла, что маме так и не удалось меня по-настоящему полюбить.

С самого рождения я была папиной девочкой. Но он работал директором крупного химического комбината, где пропадал с утра до ночи, и видела я его нечасто. Мама хотя и сидела дома, внимания мне уделяла по минимуму. В два с половиной года отдала в детсад, а на лето отвозила к бабушке Лизе в маленький приволжский городок, который словно застрял где-то в девятнадцатом веке.

Как я любила эти тихие улочки, сбегающие к Волге, утопающие в садах домики с резными наличниками. Там все друг друга знали, а если и не знали, все равно здоровались при встрече. Еще любила забираться на чердак, грызть кислые яблоки и под шорох дождя читать дореволюционные журналы. Или лежать на большой русской печи, чувствуя сквозь тюфяк ее мягкое тепло, и слушать бабушкины рассказы о том, что ей рассказывала ее собственная бабушка. Даже став взрослой, я приезжала в Хвалынский каждое лето.

Бабушка Лиза умерла в апреле, пять месяцев назад. Я узнала об этом от мамы. Отец ушел от нее сразу после моего школьного выпускного. Первое время я жила у него, но потом он познакомился с Валентиной. Чтобы не мешать им, я сняла квартиру. Мама считала меня предательницей, и общались мы с ней в основном по телефону, да и то по делу.

Похороны она вполне ожидаемо повесила на меня. Заявив, что плохо себя чувствует и не может заниматься такими вещами. Спасибо, хоть вообще приехала. Я бегала по всевозможным конторам, оформляла документы, выбивала место на кладбище, а матушка принимала соболезнования от соседей, помнивших ее сопливой девчонкой. И вот теперь оказалось, что я должна еще и домом заниматься!

— Света, — мама издала какой-то раздраженный и раздражающий звук, — я слишком занята. И слишком плохо себя чувствую. Если ты не можешь сделать это из родственного долга по отношению к бабушке, я могу отказаться от наследства в твою пользу. Тем более цена этим руинам три копейки.

Вот так. Я моментально оказалась корыстной тварью, которая пальцем не шевельнет без выгоды для себя, даже если это всего три копейки. Ее не интересовало, что у меня есть работа, что мне придется брать отпуск и тратить его не на отдых, а на оформление и продажу дома, который даром никому не нужен. Разве что под снос, да и то сомнительно. Но мама бы и палец о палец не ударила, и он стоял бы, пока не развалился. Я не могла поступить так с домом, где жило не одно поколение наших предков. Даже если его снесут после покупки, хотя бы заберу или пристрою в хорошие руки бабушкины вещи.

— Ладно, — обреченно вздохнув, сдалась я. — Оформи отказ, и я поеду.

Судя по тому, что она привезла нужную бумагу уже на следующий день, у нее все было заранее продумано и готово. Впрочем, один крохотный плюс во всем этом предприятии имелся.

Я проведу отпуск одна в городе своего детства. Возможно, Валерка обидится, что не поеду с ним на теплые моря, и тогда после возвращения легче будет поставить крест на наших отношениях. Я собиралась сделать это уже не первый месяц, но никак не могла найти повода. Главное — чтобы он не захотел составить мне компанию. Но вряд ли лощеный красавчик, для которого четыре звезды у отеля уже отстой, отправился бы в такое захолустье, где удобства во дворе.

Отпуск мне дали без проблем. Да и как иначе, если работаешь в отделе кадров того самого комбината, которым руководит отец. На следующий день я села на скорый поезд до Сызрани, откуда заказанное такси должно было отвезти меня в Хвалы́нск. Сутки с половиной в пути — и вот уже водитель выгрузил мой чемодан у хорошо знакомой калитки.

Мне нравилось приезжать к бабушке вечером, когда окна призывно светились, обещая тепло, уют и, разумеется, пирожки с яблоками и ревенем — мои самые любимые. Сейчас дом стоял темный, заброшенный. По спине побежали мурашки.

— Глупости какие! — сказала я вслух и сама испугалась своего голоса.

Встряхнула головой, достала из сумки ключи, открыла, подсвечивая телефоном, тяжелый висячий замок. Прошла по дорожке, поднялась на скрипучее крылечко из трех ступенек. Открыв еще один замок, втащила чемодан в сени. Раньше там круглый год пахло яблоками, сейчас — чем-то неприятным, затхлым. Пять месяцев после похорон сюда никто не заходил.

— Ну, здравствуй, дом, — сказала я, медля на пороге и не решаясь пройти дальше.